

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№). . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 11 февраля
30 января 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Политическія затѣи официальныхъ народниковъ и внутреннее дѣло въ Россіи. — 2) Изгнаніе П. Лаврова изъ Франціи. — 3) Прибытіе г-жи Бардиной въ Женеву. — 4) Покушеніе на личность синодальнаго оберъ-прокурора. — 5) Конспиративная квартира у Николаевского моста и новыя аресты. — 6) Новыя жертвы административнаго провоза. — 7) Катковъ—воспитатель цесаревича. — 8) «Новому Времени» о польскомъ вопросѣ. — 9) М. А. Бакунинъ о правдѣ и нравственности въ революціи. М. Д. — 10) Литературно-политическія замѣтки: III, Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ, М. Драгоманова. — 11) Югославянская борьба и политика цетинскаго правительства (корреспонденція «Вольнаго Слова»), П—пчъ. — 12) Всеобщій переполохъ въ Галиціи, М. Драгоманова. — 13) Хроника равачаго движенія: I Соединенные Штаты Сѣв. Америки. (Рабочій конгрессъ въ Нью-Йоркѣ. Стачки). II Франція (Исключеніе группы «Egalité» изъ федераціи центральной области Франціи. III Австро-Венгрія (Отзывы буржуазныхъ газетъ о социальнo-политическихъ отношеніяхъ въ Венгріи. Полициеско-судебныя преслѣдованія социалистовъ. Отношенія послѣднихъ къ подавленію независимости сербскихъ племенъ). IV Италія. — 14) Жертвы антиеврейскаго движенія въ Варшавѣ по занятіямъ. — 15) Мелочи: «Вольное Слово» и «Оса»; либерализмъ и народничество въ русскихъ газетахъ. — 16) Поправки. — 17) Объясненіе.

ЖЕНЕВА, 11 февраля 1882 г.

Существуетъ предположеніе, что клика официальныхъ народниковъ старается возбудить общественное вниманіе къ участи вступившихъ въ кровавую борьбу за свободу босняковъ и герцеговинцевъ и втянуть Россію въ эту борьбу съ цѣлью отвлеченія умовъ отъ вопросовъ внутренняго переустройства, такъ рѣшительно поставленныхъ на очередь нашими земствами и передовою печатью. Неотложность разрѣшенія этихъ вопросовъ указывается самою жизнью: повсемѣстною неурядицею, неспокойствомъ массъ, неуверенностію въ завтрашнемъ днѣ, начинающая отъ изпураемаго дифтеритомъ, непо-

сильными поборами и самоуправствомъ властей земледѣльца и кончая окруженнымъ наружнымъ блескомъ, но нравственно пригнетеннымъ главою государства. Не думаемъ, чтобы при такихъ условіяхъ новыя бѣдствія, порождаемая войною, новыя тягости, новыя кровавыя жертвы въ состояніи были «поднять народный духъ» не въ смыслѣ ускоренія взрыва всенароднаго негодования, а въ смыслѣ водворенія въ средѣ управляемыхъ «терпѣнія и любви», успокоить возбужденные нервы, упорядочить разстроенную жизнь. Населеніе Россіи безъ различія классовъ и національностей не можетъ, конечно, не сочувствовать освободительной борьбѣ сербскаго народа, не терпящаго своего обезличенія въ австро-венгерскомъ дуализмѣ, въ чуждыхъ его національному духу формахъ государственной жизни; но самое это сочувствіе не могло бы явиться безъ остраго ощущенія нами своего собственнаго недуга, безъ сознанія необходимости выйдти самимъ изъ удручившей атмосферы сложившихся обстоятельствъ на чистый воздухъ, на свѣтъ и просторъ свободы и права.

Мыслимъ людямъ общества, сознательной части народа нечего обращать вниманія на то, что генералу Скобелеву надобно оргіи загородныхъ ресторановъ и захотѣлось предаться вновь сильнымъ ощущеніямъ на полѣ битвы, среди труповъ безпощадно (для вящей славы, разумѣется, хотя нерѣдко и безъ надобности) истребляемыхъ имъ полковъ и цѣлыхъ дивизій; имъ нечего заслушиваться ходульно-восторженныхъ возгласовъ московскихъ пророковъ объ историческомъ призваніи Москвы (не Россіи); пусть и петербургскіе генералы, и московскіе пророки пьютъ, приходятъ въ экстазъ и потрясаютъ кровавымъ знаменемъ шовинизма, ослѣпляющимъ, правда, но ослѣпляющимъ лишь дикіе инстинкты,—на то они

люди меча и люди праздной фантазіи;—людямъ мысли, людямъ дѣла, общественнымъ дѣятелямъ всей страны слѣдуетъ идти своею дорогою, требовать исполненія того, на чемъ они уже стали, безъ чего наше настоящее сдѣлалось невозможнымъ и что должно лечь устоємъ, краеугольнымъ камнемъ нашей будущей народно-государственной жизни.

Гражданская доблесть нашего времени имѣетъ весьма мало общаго съ военными подвигами и рѣшительно враждебна завоевательнымъ замысламъ. Да и къ какимъ практическимъ результатамъ приводятъ эти подвиги, если они не направлены къ достиженію широкаго гражданского идеала и не отъ него отправляются? Русское правительство на опытѣ могло убѣдиться, что даже имъ освобожденные народы не вѣрятъ въ искренность его освободительныхъ намѣреній. А почему не вѣрятъ? Потому что у себя дома оно систематически преслѣдовало цѣли прямо противоположныя; потому что въ Карской области, въ центральной Азіи оно показало себя только завоевательнымъ, а болгарская конституція, имъ созданная, съ его же согласія уничтожена Батенбергомъ. Подаренные Австро-Венгріи босняки и герцеговинцы скоро увидѣли, что освобожденіе отъ турецкаго ига безъ права самоуправленія еще не даетъ свободы и даже не улучшаетъ матеріальнаго быта народа; а пользующееся самоуправленіемъ населеніе Восточной Румелии не чувствуетъ давленія стамбульской деспотіи и, находясь лишь въ номинальной зависимости отъ Высокой Порты, даже и думать забыло о петербургскомъ правительствѣ. Покуда верховная власть въ Россіи откровенно не признаетъ за своими подданными права на самоуправленіе, или покуда само населеніе не приобрѣтетъ этого права, покуда въ управленіи страной голосъ земли не займетъ мѣста дворцовой и канцелярской

интриги *), покуда средства на нужды государства внутри и во внешних его сношениях и предприятиях будут выкачиваемы из народа, а не даваемы народом добровольно и по мере сил и возможности,—до той поры народное дело в России не может быть связываемо с внешней политикой правительства, и участие последнего в разрешении международных вопросов, в улаживании международных споров не может быть обусловлено истинными интересами страны.

Повторяем, в России, и особенно в настоящую минуту, не могут не сочувствовать героическим усилиям родственного племени свергнуть с себя иго австро-венгерского чиновничьего управления, но именно поэтому разнородной России, неустроившей еще своих внутренних международных и более частных — областных отношений, покуда еще невозможно возвысить своего, народного голоса и идти рука в руку с правительством, на счет замыслов которого во внешней политике народу ничего неизвестно.

Странно, что г. Игнатьев до сих пор не может понять, что никакие Аксаковы и Катковы не помогут ему отвертеться от коренных преобразований внутреннего управления, громко требуемых страной. Сочувствие славянам — сочувствием и останется, а дело — делом.

Телеграф принес нам известие, что один из авторов воззвания в пользу Красного Креста «Народной Воли», напечатанного в «Intransigent», Петръ Лавров изгнан из предельов Франции. Когда же будет положен конец такому насильственному порядку вещей и при котором иностранец подвергается преследованию за поступки, не считающиеся, по законам страны, предосудительными для туземца?

«La Tribune de Genève» извещает о прибытии в Женеву г-жи Бардиной, — этой в высшей степени симпатичной личности из состава московских пропагандисток (проез. 50-ти), которой еще в прошлом году удалось освободиться от несправедливо постигших ее страданий.

В Берлине сообщают частною телеграммой, что петербургская полиция задержала какого-то че-

*) Само высшее правительство до того слабо и безпринципно, что не может даже устроить чуждого кабинета с обязательной для всех министерств и сколько нибудь последовательно политической программой.

ловка, имевшего намерение совершить покушение на личность синодального обер-прокурора. По истини, полиция не только «заглядывает в душу», но и умудряется вычитывать в чужой душе такие намерения, какие желательно подмечать лишь сторонникам усиленных охраны и других мер угнетения общества.

«Citoyen», под рубрикою: «la Révolution en Russie», сообщает, что та же полиция открыла небольшой нигилистический клуб, «конспиративную квартиру», у Николаевского моста, при чем арестовали 5 человек: дочь генерала, двух штаб-офицерских сыновей и двух сыновей очень богатых купцов.

Учрежденная на основании положения об охране комиссия по делам поднадзорных и административно-ссылных за время председательства в ней ген. Черевина выслала административным порядком 7 новых лиц.

Статск. Сов. Катков за отличие произведен в тайные советники и, как нам передают, вероятно, будет назначен воспитателем к цесаревичу.

„НОВОМУ ВРЕМЕНИ“ О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ.

«Новое Время» считает неверным наше замечание о том, что оно в 1876 г. высказывалось сочувственно к мысли о «примирении с поляками», а теперь враждебно этому примирению. В № 2115 петербургская газета утверждает, что она всегда желала примирения, но на условиях не отдельности Польши, а единства ее с внутренней Россией при судебной реформе, земском, или местном самоуправлении и образовании. Относительно последнего петербургская газета прибавляет еще, что она ничего не имеет и против того, чтобы польское юношество получало образование на понятном ему языке. Если так, так к чему же были те выходки, которые позволяло себе «Новое Время» против людей, которые в сущности исходили от тех же требований, только мотивировали их иначе или же шли несколько дальше, напр. требуя и политической свободы и для Польши, и для «внутренней» России? Ведь не может же «Новое Время» считать для всех обязательною и форму, и меру его проектов удовлетворения интересов польского и других населений России?

С своей стороны, мы не станем придирались к «Новому Времени» и делать ему за прошлые грехи процесс, даже литературный, — по ограничимся только желанием, чтобы и эта газета, когда ей придется обсуждать вопросы в роду польского, отправлялась исключительно от интересов живых населений, а не заводила разсуждения в дебри абстракций, каковы: «единение», «государственные интересы» и т. п. «Государственных интересов», отдельных от интересов всех частей государства быть не должно, — а «единение» само по себе пустой звук: все дело в

том, около чего совершается единение. Может быть единение в общем разорении и — в общем богатстве, в просвещении и — в невежестве, в рабстве и — в свободе. И в политическом отношении есть единение — единение: есть единение прусское, московское и — швейцарское! Ну, право же, Швейцария, Женева и Тессин объединены между собою и при том во всех отношениях лучше, чем Москва, Варшава, Киев и т. п. По крайней мере, мы что то не слышим жалоб на женеvский или на тессинский сепаратизм!

М. А. БАКУНИНЪ О ПРАВДѢ И НРАВСТВЕННОСТИ ВЪ РЕВОЛЮЦИИ.

Личность Бакунина оставила по себе замечательный след на революционном федерально-социальном движении в Европе, особенно в странах романских и славянских. А между тем мы до сих пор не имеем ни сколько нибудь полной биографии его, ни даже верной характеристики. Это обстоятельство имеет между прочим ту невыгоду, что оно позволяет всякому толковать о Бакунине вкряк и вкось и пользоваться его именем и отрывками из его сочинений для разных субъективных целей. Последнее делают особенно императорские прокуроры в России, а также публицисты враждебные федеральному социализму и направленные от консерваторов и до социалстов центристов.

В прошлом году появилась книга известного бельгийского публициста Эмпила де Лавеле (de Laveley) о «Современном Социализме» (Le socialisme contemporain), в которой целая глава посвящена Бакунину, как «апостолу всеобщего разрушения». Между прочим этому «апостолу» выписываются совершенно изустские идеи о дозволенности всех средств для целей революции. В числе доказательств такого вынесения бельгийский публицист цитирует отрывки из «Революционного катехизиса», читанного во время Нечаевского процесса и будто бы писанного Бакуниным, с словами в роду следующих: «революционер презирает и ненавидит теперешнюю нравственность. Для него все нравственно, что благоприятствует успеху революции, и все безнравственно и преступно, что ее задерживает... В обществе революционер должен показывать себя не тем, что он есть» и т. п.

Из русских газет узнаем мы, что книга Лавеле переводится и на русский язык. Таким образом представлением о Бакунине, распространяемым преимущественно царскими прокурорами, найдут себе поддержку в России и в книге публициста, известного за человека либерального и даже сочувственного относящегося к общинной собственности.

В виду этого, мы считаем не безпольным привести две выдержки из писаний Бакунина, одного печатного, а другого рукописного, из коих последнее передано нам лицом, состоявшим с ним в последнее время его жизни в близких отношениях. На страницах 13 прибавления А к книге

«Государственность и анархія» (въ 1873 г.) Бакунинъ говоритъ:

«Народа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ и для какой бы то ни было цѣли обманывать не слѣдуетъ. Это было бы не только преступно, но и въ видахъ достиженія революціоннаго дѣла вредно; вредно уже потому, что вслѣдствіе обману по существу своему близорукъ, мелокъ, тѣсенъ, всегда шитъ бѣлыми и гнилыми нитеями, вслѣдствіе чего непремѣнно обрывается и раскрывается, и для самой революціонной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направленіе. Человѣкъ сплелъ только тогда, когда онъ весь стоитъ на своей правдѣ, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ сообразно своимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ. Тогда въ какомъ бы положеніи онъ ни былъ, онъ всегда знаетъ, что ему надо говорить и дѣлать. Онъ можетъ пасть, но осрамиться и осрамить своего дѣла не можетъ. Если мы будемъ стремиться къ освобожденію народа путемъ лжи, мы непремѣнно запутаемся, собьемся съ пути, потерлемъ изъ виду самую цѣль, и если будемъ имѣть хотя какое нибудь вліяніе на народъ, собьемся съ пути и самый народъ, т. е. будемъ дѣйствовать въ смыслѣ и на пользу реакціи».

Въ письмѣ къ одному русскому революціонеру, одно время стоявшему близко къ Бакунину, послѣдній писалъ между прочимъ:

«Въ сношеніяхъ съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя природа позволитъ... на іезуитскомъ мошенничествѣ пичего живаго, крѣпкаго не построишь... революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ... безъ вышата, разумѣется, человѣческаго идеала, никогда революція не восторжествуетъ»...

М. Д.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

III.

Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ.

Читатель, пробѣжавшій написанное выше заглавіе, можетъ подумать, что мы собираемся пустить пасть «постояннымъ помѣстнымъ соборомъ Всероссійскія церкви». Нельзя сказать, чтобъ дѣйствія этого собора, — или же духовной канцеляріи, какъ его называютъ нѣкоторые даже православные, — не возбуждали иногда подобнаго желанія. Но на этотъ разъ мы совершенно далеки отъ такого желанія, — и предполагаемъ съ возможною серьезностью обратить вниманіе читателей на одно явленіе изъ религіозно-культурной жизни въ Россіи, которое не можемъ назвать иначе, какъ конфискаціею извѣстнаго количества человѣческихъ языковъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Мы сказали: «явленіе религіозно-культурной жизни», — и, какъ читатель увидитъ дальше, явленіе, о которомъ мы поведемъ рѣчь, вѣдъ преимущественно въ кругъ жизни рели-

гіозной, затрагиваетъ интересы и свѣтской культуры. Но, если бы даже оно касалось исключительно круга явленій жизни религіозной, то мы все таки, рискуя потерять извѣстное количество читателей, которые считаютъ эту жизнь ни мало не интересною для людей, вышедшихъ изъ религіознаго міросозерцанія, — не остановились бы повестить о немъ рѣчь даже передъ публикою заграничнаго политическаго изданія.

Мы сами не забудемъ, чтобъ русскія заграничныя политическія изданія, со временъ Кельсиева и Огарева, которые думали было привлечь къ революціонному движенію раскольниковъ, обращали вниманіе на тотъ кругъ явленій, изъ котораго мы теперь беремъ предметъ для бесѣды съ читателемъ. Если только признать, что политическая печать существуетъ исключительно для тѣхъ круговъ, изъ которыхъ выходятъ — или, лучше, въ которыхъ живутъ сами публицисты, да еще крайняго лагеря, то, конечно, такое невниманіе русской заграничной политическаго печати къ явленіямъ жизни религіозной можетъ быть вполне оправдано. Но мы думаемъ, что печать, даже заграничная, существуетъ для всѣхъ слоевъ населенія страны, — а, слѣдовательно, должна касаться и всѣхъ ихъ интересовъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что публицистика должна непремѣнно подчинять свои воззрѣнія понятіямъ того или иного изъ этихъ слоевъ. Совсѣмъ на противъ: публицистъ, имѣющій основаніе или претензію, считать свои воззрѣнія болѣе вѣрными, чѣмъ воззрѣнія извѣстныхъ слоевъ общества, можетъ и долженъ сохранить ихъ во всей ихъ неприкосновенности и ставить вопросъ о какомъ бы то ни было явленіи, интересномъ для этихъ слоевъ, именно въ связи съ тѣми идеями, какихъ онъ самъ держится и пользоваться интересомъ, какой пробуждаетъ въ какомъ либо слоѣ общества данное явленіе, для проведенія въ этотъ слоѣ именно тѣхъ идей, какихъ держится самъ публицистъ.

А нельзя же отрицать, что явленія религіозной жизни интересуютъ еще огромное число населенія въ Россіи, не только въ т. из. низшихъ классахъ, но и въ высшихъ. Люди положительно-научнаго воспитанія не могутъ, конечно, сами раздѣлять этихъ интересовъ, но должны относиться къ нимъ съ точки зрѣнія свободы совѣсти. Ставши на эту точку зрѣнія и требуя, чтобъ весь строй политическихъ учреждений, соприкасающихся съ областью религіозной жизни, былъ основанъ на принципахъ этой свободы, люди положительно-научнаго образованія не только могутъ подавать свой умѣряющій религіозныя разногласія голосъ о разныхъ явленіяхъ жизни общества, соприкасающихся съ религіею, но и обратитъ религіозно-настроенные элементы общества, а особенно тѣ, которые имѣютъ основаніе быть недовольными существующимъ порядкомъ вещей, — къ общему началу свободы. Эта же свобода въ Россіи необходима вообще, а въ частности въ области мнѣній необходима и для самихъ людей положительно научнаго образованія, которое въ Россіи такъ же не признано закономъ, какъ и многія «недозволенные вѣрученія и себты».

Съ этими общими соображеніями мы приступаемъ къ обсужденію того явленія, которое намѣчено въ заглавіи настоящей статьи. Явленіе это состоитъ въ томъ, что Санктпетербургскій Святѣйшій Синодъ не только закрѣпощаетъ совѣсть всѣхъ жителей Россіи, которыхъ предки записаны были въ число православныхъ греко-восточнаго исповѣданія, но вообразилъ себя собственникомъ и языковъ, на которыхъ они говорятъ, и присвоилъ себѣ власть надъ литературою на этихъ языкахъ, которая имѣетъ какое бы то ни было соприкосновеніе съ религіею, хотя бы эта литература назначалась для нравственныхъ потребностей совѣсти не православныхъ населеній. Всего страннѣе, что подобное, явно ненормальное положеніе дѣлъ не понимается должнымъ образомъ даже и тѣми, кто имѣетъ основаніе быть недовольнымъ частными примѣненіями таковой, вполне бессмысленной монополіи Святѣйшаго Синода.

Въ самое послѣднее время въ русской печати, — преимущественно въ Петербургѣ и въ Киевѣ, — всплывалъ нѣсколько разъ одинъ вопросъ, по поводу котораго во всякой цивилизованной странѣ непремѣнно подвѣргнута бы была критикѣ и вся система вышеупомянутой монополіи Святѣйшаго Синода, — по въ Россіи такова сила привычки къ подчиненію не только па дѣлѣ, но даже и въ мысляхъ самымъ противоестественнымъ нецѣлостямъ существующаго строя, что, при самой удобной оказіи, эта монополія осталась вовсе незатронутою даже въ принципахъ. Вопросъ, о которомъ мы говоримъ, касается перевода библіи на украинскій языкъ.

Вкратцѣ ходъ этого вопроса въ Россіи въ послѣднее время представляетъ слѣдующее: въ 1862 г. г. Костомаровъ съ своими друзьями изготавилъ переводъ Новаго Завѣта, который былъ представленъ въ Академію Наукъ и былъ одобренъ ею со стороны научно-литературной. Затѣмъ, для проведенія въ печать этого перевода, оказалось необходимымъ представить его въ Св. Синодъ, который одинъ имѣетъ въ Россіи право изданія книгъ св. Писанія. Синодъ же въ это время подпалъ подъ вѣщее вліяніе катковско-обручительнаго направленія, которое вскорѣ затѣмъ перенесено было гр. Дм. А. Толстымъ и въ администрацію свѣтскихъ школъ, — потому не только не согласился взять на себя печатанія украинскаго перевода Новаго Завѣта, но запретилъ (въ 1863 г.) духовнымъ цензорамъ пропускать какія бы то ни было украинскія книги религіознаго содержанія, а священникамъ говорить проповѣди на «простонародныхъ нарѣчіяхъ», — каковыя распоряженія постоянного помѣстнаго собора Всероссійскія церкви остаются въ силѣ и до сихъ поръ.

Въ свое время многіе обидѣлись такимъ поведеніемъ Св. Синода и находили его противнымъ принципамъ и интересамъ православной церкви, но, сколько помнится, никто не занкнулся о томъ, что, напр., запрещеніе печатанія по крайней мѣрѣ перевода Библіи совсѣмъ выходитъ за кругъ компетенціи Св. Синода, какъ вѣдомства, хотя и господствующей, но все таки одной только изъ церквей населенія Россіи. Никому и въ голову не пришло, что такой переводъ можетъ по-